

СЧАСТЛИВЫЙ НЕСЧАСТЛИВЕЦ ШОПЕНГАУЭР

В незапамятную старину, когда книги существовали еще только в свитках, рукописях и фолиантах, кто-то из античных мудрецов на полнозвучной латыни отчеканил: «Habent sua fata libelli» («Книги имеют свою судьбу»). У книги, которую держит сейчас в руках читатель, судьба поистине удивительная. Задуманный более двух столетий назад, этот сборник «житейских правил», содержащих «рецепт счастья», до недавних пор как будто не желал выдавать заветный секрет, пугливо чураясь печатного станка: отрывками, черновиками, заметками, фрагментами, разбросанными по самым разным опусам и манускриптам, книга лежала под спудом безмолвным и печальным остовом, а точнее — россыпью осколков замысла, которому при жизни автора так и не суждено было осуществиться.

Свои судьбы, как нетрудно заключить, имеют не только книги, но и авторы. Человек, еще в молодости вознамерившийся написать сочинение под названием «Искусство быть счастливым», по идее, раз уж ему введомо столь вождеденная для всего человечества тайна, и сам должен был прожить счастливую жизнь. Увы, по всем внешним приметам и привычным меркам о жизни Артура Шопенгауэра (1788–1860) этого никак не скажешь.

Грустное детство в состоятельной, но несчастливой семье, где мальчику явно недоставало любви, блестящие способности, про-

явившиеся еще в юности и удостоившиеся похвал самого Гёте, но не нашедшие подтверждения карьерным успехом, чему в немалой мере способствовал тяжелый, неуживчивый характер (о мнительности, обидчивости и заносчивости Шопенгауэра ходили легенды), то ли неумение, то ли нежелание обзавестись семьей, обрекшее чудаковатого и колючего «мизантропа» на холостяцкий удел и одинокую старость, — все это никак не вписывается в сформированный буржуазной эпохой образ не то что счастливой, а хотя бы просто нормально благополучной жизни.

Впрочем, тут мы рискуем спутать причину и следствие. Конечно, скверный характер не слишком способствует счастливому существованию. Но если дело, которому человек посвятил жизнь, идет наперекор общепринятым представлениям современников, то в гораздо большей мере, нежели скверный характер, повышенную конфликтность неизбежно влечет за собой именно само это дело. А делом своей жизни Шопенгауэр смолodu избрал философию — почитаемую, даже модную в тогдашней Германии сферу. Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель по праву считались тогда «властителями дум», воплотив в своих философских «системах» квинт-эссенцию умственных достижений и идейного пафоса просветительского века. В той или иной мере каждый из этих мыслителей утверждал оптимистическое мировоззрение, отстаивая идею целесообразного (прогрессивного) развития мировой истории, которая свершается во имя человека и на благо человека, а сам человек предстал в этих умопостроениях венцом творения, вершиной эволюции.

Все эти постулаты оказались необычайно важны в борьбе за идеалы свободы, равенства и братства, против отмиравших сословных феодально-монархических предрассудков, однако Шопенгауэр еще смолodu усомнился в чрезмерной их оптимистичности — вот тут-то и кроются истоки его долговременного конфликта с современной ему эпохой. Возможно, повторю, в чем-то повинен и характер, но решающее слово говорила, вершась на глазах, сама история: при трезвом взгляде на вещи нельзя было

не видеть, как вдохновенный пафос революции и провозглашенной ею свободы тут и там сменяется очередной деспотией, как по Европе волнами прокатываются войны с их грабежами и зверствами, раскрывая сущность человека отнюдь не с гуманной стороны, как в повседневной жизни интриги и приспособленчество, низость и подлость то и дело торжествуют над честностью и благородством.

В центре философской системы Шопенгауэра, выстроенной по рецептам немецкого классического идеализма, но лишенной иллюзий просветительского идеализаторства, стоит человек — не выдающийся венец творения, а обычный, рядовой индивидуум, один на один со своей не до конца познанной природой и перед лицом непредсказуемой, чреватой катаклизмами и бедствиями мировой истории. Вот такому человеку, сбитому с толку, сомневающемуся, не знающему, как быть, Шопенгауэр всеми силами души и мысли стремится помочь, раскрыть ему глаза, а значит, перво-наперво лишит его прекраснодушных иллюзий — среди прочего и о том, что он, человек, якобы создан для счастья («как птица для полета», добавим мы устами горьковского персонажа, над ходульными лозунгами которого автор, явно вслед за Шопенгауэром, откровенно горько насмехается).

Современники, даже самые проницательные, плохо понимали Шопенгауэра. В Берлинском университете, где он с трудом получил скромную должность приват-доцента, его академическая карьера явно не удалась, лекции успехом не пользовались, особенно на фоне Гегеля, который профессорствовал триумфально. Его главный труд, «Мир как воля и представление», вызывал смесь недоумения и почтительного испуга, что хорошо дает почувствовать отзыв столь искушенного ценителя и замечательного писателя, как Жан-Поль: «Гениальное философское сочинение, многомудрое и многостороннее, полное остроумия и глубокомыслия, но часто безутешное и бездонное, словно затерянное озеро в Норвегии, над которым не пролетит птица, не проплывет облако, а в темном кольце обрывистых скалистых берегов никогда не проглядывает солн-

це — и только в глубине угадывается звездное небо». Звездное небо благожелательный рецензент явно домыслил, памятуя, наверное, о Канте. В омутах шопенгауэровского философствования скорее уж проглядывали бездны — те самые, о которых позже со всей прямотой скажет Ницше.

Но времена, как известно, меняются. А с ними меняются и умонастроения. На закате жизни, издав в 1851 году напоследок двухтомник своих работ разных лет под нарочито непритязательным, хотя и ученым названием *Parerga und Paralipomena* («Примечания и дополнения»), живущий анахоретом философ, к собственному изумлению, успел узреть если не сияние славы, то первые проблески заслуженного признания.

Настоящая слава, как это частенько за ней водится, пришла посмертно. И не современники, а уже потомки, от Вагнера и Ницше до Фрейда и Эйнштейна, от Льва Толстого, Томаса Манна и Пруста до Борхеса, полной мерой воздали должное беспримерному мужеству скептического мышления философа, тем паче что суровая история XX столетия все чаще подтверждала обоснованность его опасений.

Как уже было сказано, в центре философствования Шопенгауэра всегда стоит человек. Именно поэтому в своих работах мыслитель по ходу рассуждений спокойно сбрасывает с себя тогу всеведущего философа-мудреца и, как бы отстраняясь на время от обязательств системности, от строгого ранжира понятий и категорий, обращается к читателю то с наглядным примером, а то и с дельным советом, подсказывая, как повести себя в практической жизни. Да, он философ, чье главное дело — размышлять, вот почему он не расстается с записными книжками, блокнотами, просто с листком бумаги, чтобы успеть, пусть начерно и наспех, записать вдруг пришедшую в голову или просто внезапно прояснившуюся мысль.

Из этой привычки сама собой возникает идея создания небольших книжек практических советов в самых разных областях человеческого опыта. Наиболее известен из таких его замыслов

сборник «Искусство побеждать в спорах», сохранивший в почти целостном виде и изданный посмертно. (Судьба и тут усмехнется не без злорадства: и в яростных устных спорах, и в сложнейшей философской полемике — особенно с главным своим врагом, Гегелем, который выживет его из Берлинского университета, но и с великим Кантом, которого он считает своим учителем, — Шопенгауэр отнюдь не всегда брал верх, что не помешало ему изучить и систематизировать приемы и уловки словесных поединков.)

И в этих касающихся практической жизни раздумьях Шопенгауэр, среди прочего, снова и снова возвращается к вопросу о человеческом счастье и возможностях его достижения, оставляя на эту тему многочисленные, но почти никак не систематизированные, где попало разбросанные заметки. Тут самое время обратиться ко второму герою этой книги, ее полноценному соавтору, без которого данный сборник вряд ли увидел бы свет.

Итальянский исследователь Франко Вольпи (1952–2009), профессор университета в Падуе, специалист по Античности, издатель и переводчик Хайдеггера, большую часть жизни посвятил изучению наследия Шопенгауэра и переводу его произведений на итальянский язык. В ходе своих разысканий он все чаще наталкивался на заметки философа касательно разных предметов, пока не научился различать в этой хаотической россыпи мыслей некую систему, благо сам философ частенько снабжал свои записи тематическими отсылками.

Опирируя опубликованными и неопубликованными трудами философа, тщательно изучив в том числе и его рукописное наследие, Вольпи буквально по крупицам воссоздал книгу, задуманную более двух веков назад, но так и не доведенную до конца. Плоды этой, с любовью и тщанием проведенной, реставрации читатель и держит сейчас в руках. Разумеется, никто не поручится, что авторский замысел осуществлен здесь с абсолютной адекватностью, однако характернейший пласт размышлений философа представ-

лен, безусловно, в весьма интересном ракурсе¹. Нельзя не упомянуть, что Франко Вольпи, действуя по той же методе, составил еще четыре сборника афоризмов Шопенгауэра (два из которых, правда, вышли в свет уже после смерти составителя): «Искусство познать самого себя» (2006), «Искусство стареть» (2009), «Искусство обращения с женщинами» (2010) и «Искусство оскорблять» (2016)².

Вернемся напоследок к началу наших размышлений: откуда у человека, чья жизнь сложилась отнюдь не благополучно, уверенность, что ему ведом рецепт счастья? И в чем этот рецепт? Читатель, надеюсь, найдет в этой книге не один ответ на этот вопрос. Среди их множества будет и тот, что касается Шопенгауэра лично: в правиле номер 46 он ссылается на Аристотеля, который «определяет жизнь, посвященную философствованию, как наиболее счастливую». Иными словами: восторг вдохновения и счастье творчества были ведомы автору этой книги в полной мере.

М. Рудницкий

[Искусство быть счастливым] Эвдемонология

Приблизительным синонимом *житейской мудрости*³ в качестве доктрины, пожалуй, можно было бы назвать *эвдемонику*⁴. Ей подобало бы⁵ учить умению жить по возможности счастливо, причем обусловив решение этой задачи еще и двумя ограничениями, а именно — жить без намека на стоицизм, но и без тени макиавеллизма. Без первого — то есть не ступая на стезю самоограничений и лишений, ибо учение наше рассчитано на обычного человека, а он слишком своеволен (*vulgo*⁶ подвержен чувственности), чтобы искать счастья на подобной стезе, и без второго, без макиавеллизма, который основывается на принципе достижения личного счастья за счет счастья всех прочих, поскольку как раз у обычного человека невозможно предположить потребную для этого изощренность ума⁷.

Таким образом, область эвдемоники располагается между крайностями стоики с одной стороны и макиавеллизма с другой, видя в обеих этих противоположностях пусть и более краткие, но заказанные ей пути к своей цели: эвдемоника учит умению жить по возможности счастливо без особых самоограничений, не преодолевая себя, но и не рассматривая всех

